Александр Панченко, Екатерина Хонинева

«Семиотические идеологии», медиальность и современная антропология религии

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-4-7-18

Alexander Panchenko, Ekaterina Khonineva

"Semiotic Ideologies", Mediation and Contemporary Anthropology of Religion

Alexander Panchenko — European University at Saint Petersburg; Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Science (Saint-Petersburg, Russia). apanchenko2008@gmail.com

Ekaterina Khonineva — Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; European University at Saint Petersburg; Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera) (Saint-Petersburg, Russia). ekhonineva@eu.spb.ru

This is an introduction to the current special issue that follows up a seminar addressing one of the popular concepts in today's anthropology of religion — Webb Keane's concept of "semiotic ideologies." This approach, in contrast to traditional semiotics, problematizes not the process of denotation and deciphering as such but rather the explicit representations implied with this process. Keane's concept also suggests that the semiotic activity possesses certain social and historical specificities, and the task of an anthropologist is to discern and study local semiotic models. The authors introduce the papers applying this approach to various religious cultures of Russia's recent past and present.

Keywords: "semiotic ideologies", Webb Keane, mediality, "material religion".

ПУБЛИКУЕМАЯ подборка статей основана на материалах семинара, посвященного одной из популярных концепций современной антропологии религии — семиотическим идеологиям. Это понятие было предложено антропологом Веббом Кином, который ориентировался в свою очередь на исследования языковых идеологий — совокупности идей носителей языка о его структуре и практиках использования. «Под семиотической идеологией, — пишет Кин, — я понимаю исходные представления о том, что такое знаки и как они функционируют в мире. Она определяет, например, как люди осмысляют роль намерений в процессе означения, каким возможным типам агентов (исключительно люди? животные? духи?) приписывается способность к означению, считаются ли знаки произвольными или непременно связанными со своими объектами и т. п.»[1].

В отличие от традиционной семиотики, этот подход проблематизирует культурную специфичность не самого процесса означения и «расшифровки» знаков как такового, а тем или иным образом эксплицированных представлений о нем. Кроме того, концепция Кина подразумевает, что семиотическая деятельность обладает социальными и историческими особенностями, и, таким образом, задача антрополога состоит в различении и изучении локальных семиотических моделей. При этом предпосылки высказанных Кином идей можно видеть не только в трудах лингвистических антропологов, посвященных языковым идеологиям и метапрагматике[2], а также в подходах так называемой семиотической антропологии[3], но и, например, в этнометодологии Гарольда Гарфинкеля — социологических исследованиях фоновых представлений о взаимодействии между людьми. Кин, однако, переносит эту проблематику в область контактов между челове-

1. Keane, W. (2003) “Semiotics and the Social Analysis of Material Things”, *Language & Communication* 23(3/4): 419.

2. Silverstein, M. (1979) “Language Structure and Linguistic Ideology”, in P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer (eds) *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels,* pp. 193–247. Chicago, IL: Chicago Linguistic Society; Lucy, J. (ed.) (1993) *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press; Schieffelin, B., Woolard, K., Kroskrity, P. (eds) (1998) *Language Ideologies: Practice and Theory*. New York, Oxford: Oxford University Press.

3. Singer, M. (1978) “For A Semiotic Anthropology”, in T.A. Sebeok (ed.) *Sight, Sound, and Sense*, pp. 202–231. Bloomington, IN: Indiana University Press; Parmentier, R. (1994) *Signs in Society: Studies in Semiotic Anthropology*. Bloomington, IN: Indiana University Press; Mertz, E., Parmentier, R. (eds) (1985) *Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives*. Orlando, FL: Academic Press.

ческими и нечеловеческими агентами, то есть в сферу интересов антропологии религии[4].

К вопросам культурных и социальных оснований семиотической деятельности Кин обращается еще в своей первой монографии, вышедшей в 1997 году[5], но наиболее полно его аналитическая программа отражена в работе, опубликованной десять лет спустя[6]. В фокусе этого исследования — взаимодействие (и его последствия) кальвинистских миссионеров и жителей индонезийского острова Сумба. Для антрополога такое столкновение делают интересным различные видения агентности (*agency*; способность к действию), приписываемой человеческим и трансцендентным субъектам и объектам. Протестанты определяли локальные представления о статусе различных материальных вещей (будь то церемониальные объекты, деньги и т. п.) и приписываемую им сверхъестественную агентность как фетишизм, то есть как в корне искаженную онтологию, ко всему прочему размывающую границы между означаемыми и означающими, субъектами и материальным миром. В этом смысле для протестантов и язычники, и католики оказывались по одну сторону баррикад.

Подобную критику Кин вписывает в контекст *морального нарратива модерна* с опорой на понятие «очищения» (*purification*) Бруно Латура, подразумевающего разведение природы и культуры, людей и не-людей в отдельные онтологические зоны[7]. Этот нарратив представляет собой концептуализацию истории не только в терминах технологического прогресса, возрастающего экономического и физического благосостояния, но и в терминах эмансипации субъекта и его поступательного самосовершенствования. Такой тип исторического воображения подразумевает,

4. В этом, безусловно, проблематика семиотических идеологий сходится с областью исследований ритуальной речи, прорицаний, состояний одержимости и других способов контакта с агентами сверхъестественной природы: см., например, обзорную статью Вебба Кина, посвященную подобным типам религиозных практик и подходам к их изучению: Keane, W. (1997) “Religious Language”, *Annual Review of Anthropology* 26: 47–71. Однако сам Кин фокусирует внимание не на собственно семиотике таких контактов, но на семиотической рефлексивности в отношении разного рода взаимодействий с трансцендентным, то есть на элементах метауровня.

5. Keane W. (1997) *Signs of Recognition: Powers and Hazards of Representation in an Indonesian Society*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

6. Keane, W. (2007) *Christian Moderns: Freedom and Fetish in the Mission Encounter*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

7. Latour, B. (1993) *We Have Never Been Modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

что в «традиционном» прошлом люди действовали под давлением различных материальных фетишей и, только становясь «модерными субъектами», открывали для себя истинные основания индивидуальной агентности[8]. Сходные по накалу идеологические противостояния нетрудно обнаружить и в других контекстах. Классические для антропологии предметы интереса — иконоборчество и «идолопоклонство», фетишизм — в перспективе исследований семиотических идеологий могут быть дополнены иными сюжетами, как, например, скандал, произошедший в 2006 году и связанный с датскими карикатурами на пророка Мухаммеда. Основания этого конфликта имели семиотический характер: стоящие на позициях секуляризма оппоненты упрекали мусульман в неверной интерпретации отношений между визуальным знаком и божественным[9]. В том же ключе можно трактовать советский атеистический проект в связи с интерпретацией религиозного искусства (в первую очередь икон[10]) и изменения его прагматики[11], а также постсоветские (и не только) конфликты вокруг художественных произведений, «оскорбляющих чувства верующих»[12]. Локальные семиотические модели становятся видимыми и доступными для анализа, когда наблюдается конфликтное столкновение интерпретативных схем или же происходит оспаривание либо нарушение правил толкования знаков. Рассматривая эти и подобные случаи сквозь призму семиотических идеологий, можно приблизиться к пониманию того, кто может быть агентом интерпретации, каковы его моральные обязательства, кто ответственен за перераспределение границ между материальным и нематериальным.

8. Keane, W. *Christian Moderns: Freedom and Fetish in the Mission Encounter*, pp. 23–25.
9. Asad, T., Brown, W., Butler, J., Mahmood, S. (2009) *Is Critique Secular? Blasphemy, Injury, and Free Speech*. Berkeley, CA: University of California Townsend Center for the Humanities.
10. Luehrmann, S. (2010) "A Dual Quarrel of Images on the Middle Volga: Icon Veneration in the Face of Protestant and Pagan Critique", in C. Hann, H. Goltz (eds) *Eastern Christians in Anthropological Perspective*, pp. 56–78. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.
11. См., например: Кормина Ж.В., Штырков С.А. «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / науч. ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7–45.
12. Bernstein, A. (2014) "Caution, Religion! Iconoclasm, Secularism, and Ways of Seeing in Post-Soviet Art Wars", *Public Culture* 26(3): 419–448.

Однако не только локальные нормы различения агентностей и материальные формы, индексирующие трансцендентное/божественное, попадают в обсуждаемую область исследовательских интересов. Скажем, критический настрой протестантов по отношению к формульным молитвам католиков, не отвечающим, как предполагается, критерию аутентичности и искренности, основан на представлениях не о знаках как таковых, но о характере медиации[13]. Христиане, с которыми работал Вебб Кин и другие исследователи[14], видели именно в языке и спонтанной речи идеальные медиа, обеспечивающие прямой доступ к Богу[15]. Созвучные построениям Кина идеи высказывались также и в области изучения материальности религии и роли чувств в переживании религиозного опыта. В центре внимания этого междисциплинарного направления, известного как *material religion*, — представления о медиации и медиа, обусловленные социальным контекстом. Подобный подход получил популярность преимущественно среди тех антропологов и религиоведов, которые опять-таки занимались этнографией протестантизма, то есть религиозной культуры, утверждающей необходимость непосредственного контакта с божественным. Но, как замечают специалисты в данной области, дематериализованные формы религиозного переживания, будь то экстаз или мистическое общение, созерцание предметов религиозного искусства, погружение в медитацию или визионерство, неизбежно опосредованы материальностью окружающего

13. К слову, некоторые антропологи предлагали рассуждать в этой связи об «идеологиях медиа» (*media ideology*: Eisenlohr, P. (2010) "Materialities of Entextualization: The Domestication of Sound Reproduction in Mauritian Muslim Devotional Practices", *Journal of Linguistic Anthropology* 20(2): 314–333) или «идеологиях коммуникации» (*ideologies of communication*: Robbins, J. (2001) "Ritual Communication and Linguistic Ideology: A Reading and Partial Reformulation of Rappaport's Theory of Ritual", *Current Anthropology* 42: 591–614).

14. Например, Schieffelin, B.B. (2007) "Found in Translating: Reflexive Language across Time and Texts in Bosavi, Papua New Guinea", in M. Makihara, B.B. Schieffelin (eds) *Consequences of Contact: Language Ideologies and Sociocultural Transformations in Pacific Societies*, pp. 140–165. New York, Oxford: Oxford University Press; Handman, C. (2007) "Speaking to the Soul: On Native Language and Authenticity in Papua New Guinea Bible Translation", in M. Makihara, B.B. Schieffelin (eds) *Consequences of Contact: Language Ideologies and Sociocultural Transformations in Pacific Societies*, pp. 166–188. New York, Oxford: Oxford University Press.

15. Правда, благодаря работам Джоэля Роббинса мы знаем, что это не всегда так. См., например: Robbins, J. (2001) "'God is Nothing But Talk': Modernity, Language and Prayer in a Papua New Guinea Society", *American Anthropologist* 103(4): 901–912.

мира и телесностью верующего, а также культурно специфичны и историчны[16].

Этот подход применяется в нескольких из публикуемых статей, посвященных религиозным культурам современной России. Так, в работе Андрея Тюхтяева рассматривается проблема «режимов социальности» в среде последователей нью-эйдж духовности — участников паломничества к природным объектам и археологическим памятникам Краснодарского края. Как показывает автор, основными факторами, объединяющими паломников, являются не нарративы и идентичности (как известно, в этом нью-эйдж характеризуется весьма высокой степенью индивидуальной креативности), а общий режим телесной интериоризации контакта с сакральными локусами, предполагающий разного рода диетарные и оздоровительные практики, а также космология, основанная на универсальной символике «чистоты и опасности». Этот этнографический сюжет удачно иллюстрирует соображения Памелы Классен, которая указывает на укорененность семиотических идеологий и в конкретных телесных практиках, и в концептуализациях тела *per se*[17].

Данила Рыговский в своей статье также делает акцент на медиа, — в широком и узком смыслах, — исследуя технику и электронные средства коммуникации как часть религиозной материальности современных старообрядцев. Автор показывает, что «телефоны, телевизоры и компьютеры следует рассматривать как материальные формы воплощения божественных знаков и пророчеств: они выступают медиаторами религиозного опыта, продуцируя те или иные переживания священного». Негативное или амбивалентное отношение к технике, таким образом, оказывается не следствием традиционной богословской экзегезы или очередным признаком социального эскапизма, а важным ресурсом для ощущения близости трансцендентного.

Как уже было сказано, проблематика семиотических идеологий была разработана главным образом на материалах протестантизма, однако в довольно специфическом контексте «глобального Юга» — на этнографических примерах не западных сообществ, сравнительно недавно ставших христианскими. Хотя Реформация

16. Meyer, B. (2011) “Mediation and Immediacy. Sensational Forms, Semiotic Ideologies and the Question of the Medium”, *Social Anthropology* 19(1): 23–39.

17. Klassen, P. (2011) *Spirits of Protestantism: Medicine, Healing, and Liberal Christianity*, p. 32. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

и протестантизм во многом повлияли на формирование западной модели субъекта и секулярные языковые идеологии в частности[18], такая диспропорция заставляет задуматься о границах применимости обсуждаемых подходов к иным религиозным культурам, в первую очередь — западным. Любимый исследователями в этой области аналитический прием, делающий акцент на столкновении различных идеологических перспектив (связанных с восприятием языковых или материальных форм), может быть продуктивен и при анализе представлений и практик религиозных групп, чья повседневная жизнь проходит в секулярной социальной среде[19]. Показательный пример такого подхода предлагает статья антрополога Тани Люрман, демонстрирующая, что, с одной стороны, «проблема присутствия»[20], по всей видимости, является универсальной для любой веры, а с другой — эта проблема может иметь различные эпистемологические основания в зависимости от ориентации на секулярную перспективу или отсутствия таковой. Если для информантов Биргит Майер, Вебба Кина, Джоэля Роббинса, Мэттью Энгельке задача истолкования знаков божественного присутствия связана преимущественно с правильным отношением к материальным посредникам и верным приписыванием агентностей со стороны верующего, а онтологический статус трансцендентного не вызывает вопросов, то для чикагских евангеликов, с которыми работала Люрман, невидимость и недоступность Бога для непосредственного взаимодействия не только таит опасность неправильной медиации, но и создает сомнения в Его действительном существовании[21]. В своих частных вариантах инспирированные секулярной эпистемологией идеологиче-

18. Bialecki, J., Del Pinal, E. (2011) “Beyond Logos: Extensions of the Language Ideology Paradigm in the Study of Global Christianity(-ies)”, *Anthropological Quarterly* 84(3): 581.

19. См., например, работу Омри Элиша об американских евангеликах среднего класса, переживающих трудности соотнесения своей жизни в мире материальных благ с христианскими моральными нормами: Elisha, O. (2011) *Moral Ambition: Mobilization and Social Outreach in Evangelical Megachurches*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

20. Предлагая этот термин (*problem of presence*), Мэттью Энгельке задается вопросом о том, «как религиозные акторы определяют и утверждают свои отношения с божественным посредством приписывания значения и авторитета конкретным словам, действиям и объектам»: Engelke, M. (2007) *A Problem of Presence: Beyond Scripture in an African Church*, p. 9. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

21. Luhrmann, T.M. (2012) “A Hyperreal God and Modern Belief: Toward an Anthropological Theory of Mind”, *Current Anthropology* 53(4): 371–395.

ские установки могут провоцировать неуверенность не столько в природе сверхъестественного, сколько в реальности посылаемых им сообщений.

Подобный тип сомнений характерен, к примеру, для исследуемых Екатериной Хониневой современных католиков, которые ищут знаки своей богоизбранности в окружающей их повседневности при постоянном беспокойстве о том, что эти знаки могут быть неправильно интерпретированы, а в худшем случае — надуманны. К тому же такой подход дает основания для антропологической рефлексии не только о локальных концептуализациях знаков, но и о качестве передаваемых через них сообщений. Для информантов Хониневой ответственность за неправильную дешифровку значения лежит исключительно на них самих: человек склонен ко лжи и самообману, а значит может нечаянно или нарочно неверным образом понять намерения Бога, который, очевидно, лгать не может. С другой стороны, герои статьи Александра Панченко — члены Церкви Последнего Завета, практикующие уфологический ченнелинг, — предполагают, что сверхчеловеческие агенты могут посылать намеренно искаженную информацию и регулярно это делают. В случае распознавания божественного призвания католикам предлагается разрешить эту проблему посредством сознательной культивации искренности. В Церкви Последнего Завета социальный контроль в отношении интерпретации сообщений от инопланетных адресантов осуществляется через последовательное утверждение губительности подобного рода контактов для подавляющего большинства людей. И моральная норма искренности, и завуалированное противодействие широкому распространению уфологического ченнелинга, как мы видим, представляют собой формы реализации религиозной власти, накладывающей определенные рамки на практики интерпретации и экспликации значений.

Между тем в работах по семиотическим идеологиям и смежной проблематике собственно практики интерпретации и дешифровки чаще всего не получают возможного объяснения или вдумчивого описания. Специальный анализ герменевтической деятельности, на наш взгляд, может обогатить изучение семиотических идеологий. Во всех публикуемых далее статьях так или иначе учитывается локальная специфика интерпретативных навыков и социальный контекст их культивации. Такой подход позволяет выстроить сравнительную перспективу и поставить вопросы о генезисе и типологическом сходстве тех или иных форм

религиозности, с одной стороны, и, например, конспирологического или националистического воображения — с другой. В качестве примера можно привести категорию «духовного видения», которая обсуждается в статье Сергея Штыркова. Эта семиотическая техника во многом соотносится с характерной для различных христианских культур герменевтической привычкой видеть неслучайное в случайном, однако в православной политической эсхатологии она оказывается применима к более масштабным контекстам, нежели индивидуальное восприятие повседневности, а именно — к «глобальной метаисторической картине». Один из основных методов работы с историческим материалом, к которому прибегают герои статьи, — обнаружение скрытых «духовных смыслов». Подобный способ интерпретации предполагает не только «конспирологическое распознавание», то есть выявление неявных мотивов и действий различных агентов, но и эсхатологическую герменевтику, направленную на осмысление этих мотивов и действий как части тотального проекта по установлению царства Антихриста.

Несколько иначе устроена конспирологическая герменевтика, рассматриваемая в статье Светланы Тамбовцевой. Здесь речь идет о современной российской криптолингвистике — паранаучных концепциях, комбинирующих националистические теории заговора с религиозными идеями и практиками культуры нью-эйдж. Учение о «ВсеЯСветной Грамоте», анализируемое в этой работе, представляет собой не только форму стигматизированного знания (в терминах Майкла Баркун[22]), но и специфическую семиотическую идеологию, где письмо становится «привлекательной экзистенциальной метафорой», чей «всеобъемлющий и всепроникающий характер манифестирует себя и в явлениях природы, и в человеческой физиологии, и в глобальных космических процессах». При этом статья Тамбовцевой, посвященная «каббалистическому творчеству» и наивному этимологизированию, позволяет провести некоторые параллели и даже прочертить линию преемственности от идеологий филологических дисциплин, обладавших и обладающих легитимным статусом, к эзотерическим и стигматизированным формам лингвистической теории.

По справедливому замечанию уже упомянутой Памелы Классен, концепт семиотических идеологий аналитически провока-

22. Barkun, M. (2013) *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

ционен и привлекателен, поскольку актуален для всех культур, в том числе и для академической[23]. Однако в такой перспективе понимание семиотической идеологии как общих для всех представлений о знаках и знаковой деятельности влечет за собой и методологические трудности. Если в области исследований языковых идеологий те или иные идеи могут быть сопоставлены антропологом с нормативным (если не объективным) знанием о языковой структуре, то апелляция к некоей «объективной семиотике» едва ли возможна. Способы разрешения такого рода трудностей разнообразны, и некоторые из них представлены в публикуемых статьях. Так или иначе, понятие семиотических идеологий кажется вполне удачным применительно к тем материалам, где рефлексивность, до известной степени регламентированное понимание семиозиса и природы коммуникации с трансцендентным миром могут и должны быть выделены в качестве предмета антропологического осмысления.

Библиография / References

Кормина Ж.В., Штырков С.А. «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / науч. ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7–45.

Asad, T., Brown, W., Butler, J., Mahmood, S. (2009) *Is Critique Secular? Blasphemy, Injury, and Free Speech*. Berkeley, CA: University of California Townsend Center for the Humanities.

Barkun, M. (2013) *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Bernstein, A. (2014) "Caution, Religion! Iconoclasm, Secularism, and Ways of Seeing in Post-Soviet Art Wars", *Public Culture* 26(3): 419–448.

Bialecki, J., Del Pinal, E. (2011) "Beyond Logos: Extensions of the Language Ideology Paradigm in the Study of Global Christianity(-ies)", *Anthropological Quarterly* 84(3): 575–593.

Eisenlohr, P. (2010) "Materialities of Entextualization: The Domestication of Sound Reproduction in Mauritian Muslim Devotional Practices", *Journal of Linguistic Anthropology* 20(2): 314–333.

23. Klassen, P. *Spirits of Protestantism: Medicine, Healing, and Liberal Christianity*, p. 32. См. например, статью Майкла Ламбека о семиотических идеологиях в исследованиях религии: Lambek, M. (2013) "Varieties of Semiotic Ideology in The Interpretation of Religion", in J. Boddy, M. Lambek (eds) *A Companion to The Anthropology of Religion*, pp. 137–53. Malden, MA: Wiley Blackwell.

Engelke, M. (2007) *A Problem of Presence: Beyond Scripture in An African Church*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Elisha, O. (2011) *Moral Ambition: Mobilization and Social Outreach in Evangelical Megachurches*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Handman, C. (2007) "Speaking To The Soul: On Native Language and Authenticity in Papua New Guinea Bible Translation", in M. Makihara, B.B. Schieffelin (eds) *Consequences of Contact: Language Ideologies and Sociocultural Transformations in Pacific Societies*, pp. 166–188. New York, Oxford: Oxford University Press.

Keane, W. (2007) *Christian Moderns: Freedom and Fetish in the Mission Encounter*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Keane, W. (1997) "Religious Language", *Annual Review of Anthropology* 26: 47–71.

Keane, W. (2003) "Semiotics and the Social Analysis of Material Things", *Language and Communication* 23: 409–425.

Keane, W. (1997) *Signs of Recognition: Powers and Hazards of Representation in An Indonesian Society*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Klassen, P. (2011) *Spirits of Protestantism: Medicine, Healing, and Liberal Christianity*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Kormina, J., Shtyrkov, S. (2015) "'Eto nashe iskonno russkoe, i nikudana ot etogo ne det'sia': Predystoriia postsovetskoi desekuliarizatsii" ['This Is Something That Is Ours and Primordially Russian, and There Is No Way Escaping It': The Prehistory of Post-Soviet Desecularization], in J. Kormina, A. Panchenko, S. Shtyrkov (eds) *Izobretenie religii: Desekuliarizatsiia v postsovetskom kontekste*, pp. 7–45. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Lambek, M. (2013) "Varieties of Semiotic Ideology in the Interpretation of Religion", in J. Boddy, M. Lambek (eds) *A Companion to The Anthropology of Religion*, pp. 137–53. Malden, MA: Wiley Blackwell.

Latour, B. (1993) *We Have Never Been Modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Lucy, J. (ed.) (1993) *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Luehrmann, S. (2010) "A Dual Quarrel of Images on the Middle Volga: Icon Veneration in the Face of Protestant and Pagan Critique" in C. Hann, H. Goltz (eds) *Eastern Christians in Anthropological Perspective,* pp. 56–78. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Luhrmann, T.M. (2012) "A Hyperreal God and Modern Belief: Toward an Anthropological Theory of Mind", *Current Anthropology* 53(4): 371–395.

Mertz, E., Parmentier, R. (eds) (1985) *Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives*. Orlando, FL: Academic Press.

Meyer, B. (2011) "Mediation and Immediacy. Sensational Forms, Semiotic Ideologies and the Question of the Medium", *Social Anthropology* 19(1): 23–39.

Parmentier, R. (1994) *Signs in Society: Studies in Semiotic Anthropology*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Robbins, J. (2001) "'God is Nothing But Talk': Modernity, Language and Prayer in a Papua New Guinea Society", *American Anthropologist* 103(4): 901–912.

Robbins, J. (2001) "Ritual Communication and Linguistic Ideology: A Reading and Partial Reformulation of Rappaport's Theory of Ritual", *Current Anthropology* 42: 591–614.

Schieffelin, B., Woolard, K., Kroskrity, P. (eds) (1998) *Language Ideologies: Practice and Theory*. New York, Oxford: Oxford University Press.

Schieffelin, B.B. (2007) “Found in Translating: Reflexive Language Across Time and Texts in Bosavi, Papua New Guinea”, in M. Makihara and B.B. Schieffelin (eds) *Consequences of Contact: Language Ideologies and Sociocultural Transformations in Pacific Societies*, pp. 140–165. New York, Oxford: Oxford University Press.

Silverstein, M. (1979) “Language Structure and Linguistic Ideology”, in P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer (eds) *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels,* pp. 193–247. Chicago, IL: Chicago Linguistic Society.

Singer, M. (1978) “For A Semiotic Anthropology”, in T.A. Sebeok (ed.) *Sight, Sound, and Sense*, pp. 202–231. Bloomington, IN: Indiana University Press.